

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Письма П.Г. Волокидина
Публикации Виталия АБРАМОВА223

Дина ФРУМИНА
Этюд232

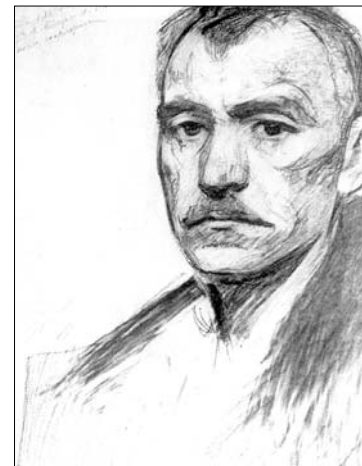
Татьяна БАСАНЕЦ
Экспрессивный абстракционист234

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ
Нью-йоркское шампанское
с одесским привкусом236

Феликс КОХРИХТ
Восточное сердце Марьяны Гапоненко243
Марьяна Гапоненко *Разговор под землей* ...245

Письма П.Г. Волокидина

Предлагаемые вниманию читателей несколько писем известного художника Павла Гавриловича Волокидина (1877-1936) написаны в 1915-1916 годах, во время продолжения его учебы в Петербурге. Оттуда он часто приезжал в Херсон, где находилась его семья, и в Одессу. Этими письмами, собственно, почти ограничивается известное нам эпистолярное наследие мастера. Публикуемые впервые письма дополняют наше представление о Волокидине — художнике и человеке, страстно увлеченном проблемами творчества, вводят в круг художников и литераторов, с которыми он был знаком, дают представление о его отношении к академическому образованию. В них находим и ряд интересных подробностей о художественной жизни Одессы.

Автопортрет. 1931 г.

Первые три письма 1915 года адресованы одесскому художнику и критику Николаю Ивановичу Скроцкому (1876-1945). П. Волокидин знал его по учебе в Одесском художественном училище, которое Скроцкий окончил на два года позже П. Волокидина (в 1907). В дальнейшем на некоторое время их судьбы разошлись. Волокидин в 1905-1907 годах учился в Петербургской Академии художеств, Скроцкий уехал в Европу. Из письма Н. Скроцкого одесскому художнику А. Стилиануди, сохранившемуся в Отделе рукописных фондов Института истории искусства, фольклора и этнографии Академии наук Украины, видно, что в 1907 году Н. Скроцкий побывал в Мюнхене и Париже. Письма художнику К.К. Костанди, датированные 1909 годом, также присланы из Парижа. Учился у художника и теоретика искусства Мориса Дени (1870-1925). Критические статьи Н. Скроцкого появились в одесской прессе в 1906 году, затем в 1911-1915 и далее. В ряде его рецензий на выставки положительно отмечены произведения П. Волокидина. С 1916 года Скроцкий был близок кругу одесских "независимых" художников и их лидеру М. Гершенфельду. Поразительно, будучи профессиональным художником, Скроцкий не принимал участия в выставках.

Письма П. Волокидина Н. Скроцкому (машинопись) находятся в архиве Одесского художественного музея.

Остальные письма, датированные 1916 годом, адресованы Александру Абрамовичу Кипену (1870-1938), известному ученому-агроному, писателю и художнику-любите-

"Четверги" в доме у А.М. Дерибаса. В группе художников — П. Волокидин (третий слева), А. Кипен (первый слева). 1929 г.

лю. В автобиографии А. Кипен указывает, что он впервые приехал в Одессу в 1894 году и находился здесь три года. Затем работал в Одессе с 1903 по 1909 год — это время, когда П. Волокидин учился в художественном училище и начал экспонировать свои произведения на выставках Товарищества южнорусских художников. Волокидин выполнил два проекта обложки к рассказу А. Кипена "Бирючий остров", изданному в 1905 году, — соответственно, их знакомство состоялось не позже 1905 года. Дружба их сохранялась и позже. В 1909-19 годах, живя в Финляндии, Кипен ежедневно приезжал в Петербург, где преподавал на высших Каменноостровских сельскохозяйственных курсах, а Волокидин в Петербурге в 1915-16 годах продолжал свое художественное образование.

В Одесском художественном музее сохраняется рисунок П. Волокидина — "Портрет А. Кипена" — с авторской надписью: "Петроград. 22 марта 1916 г. Дорогому, милому другу — брату на добрую память". Этот портрет, как и другие работы Волокидина, включая упомянутые проекты обложки книги "Бирючий остров", находился в обширной личной коллекции Кипена. В архиве Национального художественного музея Украины (Фонд А. Кипена) находится авторская рукопись — опись этой коллекции. Наряду с произведениями южнорусских художников в нее входили произведения известных мастеров: Кандинского, Волошина, Богаевского, Петрова-Водкина, Гауша, Митрохина, Конашевича, Радлова и др.

Следует отметить и то, что позже, в Одессе, с 1921 по 1929 год П. Волокидин и Н. Скороцкий были членами Общества им. К.К. Костанди, бессменным председателем которого был А. Кипен.

Письма П. Волокидина А. Кипену находятся в Национальном художественном музее Украины.

Виталий АБРАМОВ

Н.И. Скороцкому
Март 1915 г.

Дорогой Николай, написал бы раньше, да все ожидал, чем бы с тобой поделиться. Во-первых, делюсь небольшой радостью — на весенней выставке в Академии художеств у меня купили этюд цветов за 100 рублей. Выставил я немного, всего 5 небольших этюдов. Купили один из маленьких этюдов, тех, что были на южнорусской выставке¹. Но зато другая радость, не менее интересная. На выставке я с таким подходом к искусству оказался в единственном числе. Если бы видел эту выставку — у тебя опустились бы руки.

Что делают художники. Делают ненужные, нелепые вещи в духе Бодаревского² или еще хуже того. С. К.³, открывший целую лавочку, между прочим, все распродавший и заработавший не одну тысячу рублей, нисколько не выше того же Бодаревского. Бодаревский же рассорился с передвижниками и пошел к молодым весенникам. Но весенники не весенники — а "осенники". Не лучше и Б-й⁴, тоже устроивший лавочку. Но спрос на Б-го притупился. Я объясняю это вот чем: учиться он перестал. Выработал шаблон, и вот этот-то шаблон противен, не на чем глазу отдохнуть, об остальных я и не говорю.

Художник только тогда художник, когда он учится, а учиться надо всю жизнь. Нужно углубляться, нужно ставить себе задачи для разрешения, но не стоять на одном месте, не делать из искусства бакалейную лавочку. В противном случае все будет отмщено жестоко и поделом.

Скоро выеду из Петрограда, к празднику, и у меня мечта вместе с тобой взяться за работу как следует. Будем писать и рисовать, но так, чтобы ни одного дня не сидеть без работы. В работе единственное спасение. Ты, конечно, со мной заранее согласен. Попробуем писать фигуру на воздухе. Это когда уже будет тепло.

Сейчас я заканчиваю большой этюд женской фигуры, но не знаю,

Н.И. Скороцкий.
Рисунок неизвестного художника

окончу ли к отъезду. В это лето я надумал сделать много, но не в смысле количества, а качества. Нужно, брат, строго относиться к себе. Работаешь ли ты, Николай. Смотри, не ленись. От Кати Гулевой⁵ получил письмо, где она пишет, что собирается на юг и думает много работать в компании вместе.

У вас тепло, а у нас еще холодно — скорее на юг. Люблю я юг, на юге прямо душой живешь, душой купаешься в тепле, а на севере все сжимается, уходит в себя, противен мне север.

Н.И. Скроцкому
31.X.1915

Дорогой Николай, наконец приехал в Петроград и устроился работать в частной мастерской проф. Савинского⁶. Работа идет хорошо. Савинский признал, что у меня все данные для художника есть. И чувство тона, и вкус, и даже умение поставить фигуру и сделать первый общий рисунок. Недостает, по его мнению, умения довести работу до самого законченного вида. Над этим я теперь работаю. Я и сам чувствую, что именно этого мне и не хватает, это попросту дисциплина держать себя в самых строгих рамках. Пишу с большим подъемом и увлечением. Посещаю часто музей Ал.[ександра] III-го и Эрмитаж, где много удивительно прекрасных вещей. Собираюсь даже скопировать в Эрмитаже с удивительного портрета Рубенса. Такого я еще не видал никогда.

Н.И. Скроцкому
8.XI.1915 г. [Фрагмент письма]

...Критика может быть только свободной. Ты знаешь, Николай, как меня первые годы разделяла критика. Теперь же эта самая критика вот уже несколько лет хвалит меня. Да разве у меня в душе было какое-либо возмущение против критики. Нет. Я только засматривал к себе внутрь и работал, работал. И это, по-моему, единственный ответ художника на критику, какая бы она ни была, затвориться и работать, но не привлекать критика к суду.

За твое письмо я тебя мысленно целовал и благодарил. Мне все очень интересно и близко родное, одесское.

...Я вот уже второй месяц работаю в мастерской Савинского и, представь, что как преподаватель он мне очень нравится своими указаниями и

метод его, чисто рассудочный, на первое время хорош. Но ученик сам должен почувствовать, когда от метода Савинского перейти на другое. А то многие ученики Академии засыхают на этом методе и пропадают. Я-то, конечно, отношу это к самим ученикам. Они, очевидно, сами мало даровиты. Ведь еще мало уметь хорошо рисовать — нужно еще что-то: а это что-то я считаю душой художника.

Сейчас в Академии открылась выставка картин конкурсантов и отчетная ученическая. О конкурентских картинах много не скажешь. Делают то, чему их учит Академия, т. е. все ставить на место. Получается, что поставлено по-академически на место, а живописи-то и нет, или очень мало. Потому многие и погибают, после Академии их на такие выставки как "Мир искусства" и "Союз русских художников" или даже "Весенняя" в Академии не принимают, ибо их живопись является антихудожественной. Заучиваются до того, что после 7-8 лет не могут совсем писать. Вывод следующий: в Академии нужно быть 3-4 года, не больше, и уходить работать на свободу.

Среди домашних работ, а это, главным образом, этюды, пейзажи, нет ни одного, на котором можно было бы глаза остановить. Печально, но факт.

Шатан⁷ признал, что я за это время довел тон свой до большой чистоты и глубины. Но не только Шатан, но и сам Савинский высказал мнение, что "он" (т. е. я) тон чувствует очень хорошо. Это, по его мнению, первая ступень в искусстве. Затем идет вторая ступень — углубление в форму, и это совершенно верно, а вернее — обе эти стороны надо соединить воедино... То, что я теперь пишу (а пишу я фигуру натурщицы и натюрморт — череп на фоне драпировки), и особенно в последней работе, хочу, при сохранении красок, форму довести до возможного предела. Получается пока хорошо, и думаю, что доведу эту работу до большого совершенства. Мне нужно раз навсегда установить и показать, что форму, когда захочу, доведу до конца.

Плохо работать в Петрограде, слишком коротки дни, мало приходится писать при дневном свете. К Рождеству думаю съездить на родину, т. е. в Одессу. А уж после Рождества видно будет. Можно ведь устроиться в Одессе и писать и рисовать совместно, и мы, кажется, так и сделаем. Меня как южанина тянет на юг.

Петровский⁸ и Алексеев⁹ получили звание художников. Первый — за жанровую картину "Бал у Лариных", а второй за зимний пейзаж. Шовкуненко¹⁰ выделяется своими эскизами.

А.А. Кипену
Одесса 1.I.1916 г.

Дорогой Александр Абрамович! От души и чистого сердца поздравляю Вас с Новым годом, шлю свои самые лучшие пожелания Вам. Дай Бог, чтобы Вам с этого года все улыбалось и устраивалось в жизни легко.

Сижу пока в Одессе, а завтра, 2 января, выеду в Херсон. Кое-кого повидал в Одессе. На юге сейчас рай. Солнце светит вовсю, тепло. Постараюсь скоро вернуться, Будьте здоровы. Передайте привет Карменам¹¹ и всем, кто знает меня.

Ваш П. Волокидин.

А.А. Кипену
Херсон 9.IV.1916 г.

Дорогой Александр Абрамович! Видел первый раз в жизни разлив Днестра и скажу, что картина очаровательная — особенно ниже Александровска, где разлив на 10 верст. Затоплены деревья и разбиты халупы рыбацкие. Людям, конечно, не до красоты, но все-таки красиво. Домой добрался в пятницу к вечеру. Я уже говорил самому себе, что нас, т. е. Вас и меня, юг встретил цветами, что может быть очаровательней этого. Я возьмусь, наконец, за цветущие деревья и напишу несколько этюдов. На праздники поеду в Одессу, где и буду работать, повидаясь с художниками, поговорю о наших художественных делах и о выставке в Мелитополе. О всех новостях буду писать Вам. Прочел Серафимовича¹² "Город в степи". Мне очень нравится как он пишет — это человек талантливый и очень. Поздравляю Вас со светлым праздником и крепко целую. Пишите.

Ваш П. Волокидин.

А.А. Кипену.
Херсон 18.IV.1916 г.

Дорогой Александр Абрамович! В конце пасхальной недели собираюсь побывать в Одессе и повидать друзей. Заканчиваю 2 акварели... На-

Портрет профессора А.А.
Кипена. 1916 г.

писал этюд в саду "цветущие деревья"... Скоро зацветет сирень — возьмусь за нее. Что Вы подделываете? Начали ли работать? Писать красками. Часто вспоминаю Вас и представляю, как Вы сидите и подбираете краски, а краски на юге такие сочные, открытые, прямо прелесть. Что-то подделывает Шатан? Мне жаль, что сейчас он сидит в гнилом Петрограде. Будьте здоровы. Пишите в Одессу.

Ваш П. Волокидин.

Всякий раз читаю ваши рассказы, а то один раз мало.

А.А. Кипену
Одесса 7.V.1916 г.

Дорогой и милый Александр Абрамович! Получил Ваше письмо и очень ему обрадовался. Поклон Вам за него и привет, и воздушный поцелуй. А теперь посылаю письмо. Очень хотелось бы теперь повидаться с Вами, но утешаю себя мыслью, что не так много осталось до нашего свидания. В Херсоне я провел пасхальную и еще неделю, а потом переехал в Одессу. В Одессе, конечно, встретил всех собратьев-художников и посетил первый раз их "четверг", где встретил очень теплое внимание. Вел собрание художник Заузе¹³, который попросил меня поделиться впечатлениями о виденном за целый зимний сезон. Я просьбу исполнил охотно — рассказал о проведенном так хорошо и содержательно времени, о Кармене, которого все знают, об Окуневе¹⁴, которого знают мало, шел разговор о выставках, о художниках, о нашей поездке с Вами на юг, о Москве, о Серафимовиче, Шмелеве¹⁵ и Эрзе¹⁶ и обо всем подробно. И мой доклад закончился скандалом. Напротив меня сидел Бунин¹⁷, гостивший в это время в Одессе. Когда я кончил доклад, художники меня поблагодарили за сообщение, после этого художник Заузе обратился к Бунину: "Ну, теперь нам должен сообщить о литературе академик Бунин". Через пять минут Бунин поднялся и ни с кем не попрощавшись удрал с "четверга", оставив всех в недоумении. После этого пошли разговоры на эту тему. Пришли к заключению, что Бунин обиделся за то, что не его первого выслушали, а какого-то Волокидина, ему неизвестного. Художники и говорят, что наш Волокидин общил о нашем животрепещущем вопросе, об искусстве, потому мы и набросились на него первого. Или форма обращения, буквально Вам переданная, или еще что другое, но Бунин удрал и на другой день уехал из Одессы, где собирался до этого погостить несколько дней. Одним словом, поведение Бунина странно и тем более, что Бунина все знают, все его това-

рищи, знакомые и даже близко; принимая во внимание, как живут дружно всегда южнорусские художники между собой, как они относятся чисто товарищески к гостям своим, заглядывающим иногда в Одессу.

Много идет сейчас разговоров о городском музее картин. Общество изящных искусств до сих пор ведало этим музеем, потому что большинство картин принадлежит ему. Смотритель и хранитель этого музея выбирался из среды художников, но утверждался городом. Теперь дума намерена после Куровского¹⁸ назначить хранителем свое лицо, некоего Курочкина¹⁹, игнорируя Общество изящных искусств. Художники создали музей, собрали картины (около 200), устраивали в течение 25 лет выставки и вообще бескорыстно служили искусству. Город, т. е. деятели его, ничего не собрали, ничего не делали (городу принадлежит около 6-7 картин, и то подаренных). На искусство плевали, да трактирщики, кабатчики иначе и не могут поступать, и вдруг им пришла блажь пекся об искусстве? Но здесь не искусство, а просто при музее есть хорошая квартира, здание подарено городу... и нужно устроить своего человека, а что он не художник, что он ничего общего не имеет с искусством, на это наплевать. Это логика вообще всякой сволочи. Но художники запротестовали против такого произвола и решили из музея взять все картины и перенести их в школу рисования, где они и были до музея. Нашлись люди, пожертвовавшие уже большие суммы для постройки своего собственного здания и помещения для выставок²⁰. На нашей стороне оказались люди и других профессий, несут свое сочувствие и посильную помощь.

Передавал я, Александр Абрамович, художникам Ваш привет, говорил о выставке в Мелитополе. Говорили, что теперь очень трудно перевозить вещи и даже совсем нельзя. Но вы, Александр Абрамович, понимаете, в каком виде это сейчас, т. е. есть ли помещение и можно ли рассчитывать на посещение выставки публикой. Мне кажется, около 50 небольших картин можно будет доставить. Многие художники скоро разъедутся на лето по провинции на этюды²¹.

Я работаю все время, как трудно писать сирень. Я уже подходил к ней с разных сторон. И пришел к заключению, что нужно найти какой-то способ ее передачи. Природу, где она очень мелко представлена, как некоторые цветы, очень трудно передавать, вот почему — детально трудно, а может быть, не нужно... а обобщенно тоже не выйдет, и в этом, мне кажется, вся трудность. Нужно найти что-то среднее. Пишу портреты одной девицы и одной дамы. Написал этюд сирени, очень хороший именно по подходу к передаче. Кто видел — хвалили. Пишу этюды, одним словом, работаю во-

всю и при этом всегда вспоминаю дорогого Александра Абрамовича, что и он, наверное, тоже сидит где-нибудь и помалевывает. Сейчас самое лучшее время для этюдов. Вспоминаю о Шатане и сожалею о том, что он не видит той прелести, которую мы видим на юге. Тепло, много цветов, синее небо.

Пишите, дорогой Александр Абрамович, не забывайте. Видел в окнах магазинов в Одессе и первую, и вторую Ваши книги, значит и Вы живете тоже в Одессе.

Крепко Вас целую, шлю свой привет, пожелания много работать в литературе и живописи.

Ваш П. Волокидин.

¹ Имеется в виду благотворительная выставка-лотерея южнорусских художников в пользу жертв войны в ноябре-декабре 1914 г.

² Бодаревский Николай Корнилевич (1850-1921) — живописец.

³ С. К. — возможно, имеется в виду художник С.Ф. Колесников.

⁴ Б-й — возможно, имеется в виду художник И.И. Бродский.

⁵ Гулева Екатерина Павловна — живописец, участница выставки одесских "независимых" 1916 г.

⁶ Савинский Василий Евменьевич (1859-1937) — исторический живописец, портретист. Профессор, руководитель мастерской в Академии художеств в Петербурге.

⁷ Шатан Дмитрий Иванович (1886-1941) — живописец. В 1907-1916 гг. учился в Академии художеств.

⁸ Петровский Иван Владимирович (1880-1942) — живописец. В 1908-1915 гг. учился в Академии художеств.

⁹ Алексеев Василий Митрофанович (1881 — 19??) — живописец-пейзажист. В 1907-1915 гг. учился в Академии художеств.

¹⁰ Шовкуненко Алексей Алексеевич (1884-1974) — живописец, педагог. В 1909-1917 гг. учился в Академии художеств в мастерской В.Е. Савинского.

¹¹ Кармен, собств. Корнман Лазарь Осипович (1876-1920) — одесский журналист, писатель. С 1906 г. жил в Петербурге.

¹² Серафимович, собств. Попов Александр Серафимович (1863-1949) — русский писатель. Роман "Город в степи" был опубликован в 1912 г.

¹³ Заузе Владимир Христианович (1859-1939) — график.

¹⁴ Окунев Николай Львович (1886-1949) — историк искусства. В 1916-1917 — доцент Петербургского университета, с 1917 — профессор Новороссийского университета, с 1925 — профессор Пражского университета.

¹⁵ Шмелев Иван Сергеевич (1873-1950) — прозаик, публицист, мемуарист.

¹⁶ Эрзя, собств. Нефедов Степан Дмитриевич (1876-1959) — скульптор.

¹⁷ Бунин Иван Алексеевич (1870-1953) — писатель. В 1916 г. приехал в Одессу 25 апреля и находился здесь почти месяц.

¹⁸ Куровский Владимир Павлович (1869-1915) — художник-любитель. С 1898 по 1915 г. — хранитель Одесского городского музея изящных искусств.

¹⁹ Курочкин В. — закончил Строгановское училище. После упорной борьбы между одесскими художниками и властями города хранителем музея в 1917 г. был назначен художник К.К. Костанди.

²⁰ В мае 1916 г. одесские художники решили создать собственный музей. Так, член ТЮРХ художница Е.К. Петрокино "изъявила желание пожертвовать на постройку нового здания музея 10 тыс. рублей" (ГАОО. Ф. 367, оп. 1, ед. хр. 29).

²¹ Выставка одесских художников в Мелитополе не состоялась.